

Список цитируемых источников

1. Новикова, Г. А. Профилактика экстремистских проявлений в молодежной среде : метод. рекомендации / Г. А. Новикова, Л. А. Новикова. — Архангельск : Север. гос. мед. ун-т, 2014 — 250 с.
2. Зуйкова, А. А. Профилактика ксенофобии и экстремизма в образовательной среде : учеб.-метод. пособие / А. А. Зуйкова, А. С. Ляпин, А. Б. Мазуров. — Коломна : МГОСГИ, 2012. — 463 с.
3. Арутюнов, Л. С. Профилактика асоциальных проявлений этнического характера в молодежной среде / Л. С. Арутюнов, М. А. Касьяненко // Вопр. ювен. юстиции. — 2007. — № 5. — С. 19—21.
4. Фридинский, С. Н. Молодежный экстремизм как особо опасная форма проявления экстремистской деятельности / С. Н. Фридинский // Юрид. мир. — 2008. — № 6. — С. 24—26.

УДК 271.2:811.16

В. В. Малиновская

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь

ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК КАК КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН САКРАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ТРАДИЦИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Введение. Современного человека окружает множество вещей, созданных разумом и руками человека, призванных служить ему в повседневной жизни: самолёты, ракеты, телефоны, компьютеры. Однако самое удивительное и мудрое, что создало человечество, — это язык. Уже в античности философы осмыслили проблему языка и указывали на его важное значение. Язык рассматривается как выражение внутреннего духовного мира человека, средство общения и сохранения информации, система знаков, как устная и письменная речевая деятельность. В этой статье речь пойдёт о церковнославянском языке православного богослужения — одного из главных, по мнению представителей этой религиозной традиции, способов выражения отношения к священному (Богу, божественному). Данное явление — предмет анализа многих исследователей: В. В. Виноградовой, А. И. Горшковой, А. Г. Кравецкого, А. А. Плетнёвой, Е. Ф. Карского, Н. И. Толстого, Б. А. Успенского и других. Актуальным оно остаётся и по сей день.

Основная часть. Касаясь исторической ретроспективы, отметим, что возникновение церковнославянского языка неразрывно связано с именами славянских просветителей, а в православной традиции ещё и святых Кирилла и Мефодия. Церковнославянский язык получил в IX веке широкое употребление у всех славянских народов в качестве литературного и богослужебного языка. Он сохранился в ряде памятников церковнославянской письменности: на нем писалось все то, что связывалось с религиозной сферой. Отсюда следует, что церковнославянский язык был языком всей культуры в целом, поскольку религиозный этос пронизывал её. Славяне читали на нем Библию, переводили сочинения греческих и латинских богословов и учителей монашеской жизни, византийские исторические и научные сочинения, на нем писались поучения, жития святых, летописи. Эти произведения переходили из одной славянской области в другую, переписывались, изменялись, приспосабливались к новым условиям, они были основой духовной жизни славян [1].

Исторические источники свидетельствуют, что данный язык являлся языком богослужения и богословия, т. е. он «обслуживал» сакральную и духовную области. В бытовой же среде использовали разговорный русский язык. Так появляется дифференциация: книжный — не книжный, сакральный — профанный, культурный — бытовой. Таким образом, имела место «диглоссия», т. е. двуязычие — органическое «сосуществование» в Древней Руси на разных культурных уровнях двух языков. Важным, однако, является то, что эти две языковые системы действуют в рамках одного языкового коллектива, при этом функционально друг друга дополняя. Кроме того, для этих систем характерно строгое соблюдение дистанции.

При этом нужно отметить, что в этой ситуации всё равно происходили многочисленные заимствования церковнославянских слов в русский разговорный язык. Отсюда в русском языке появилось своеобразное явление — фонетически выраженная стилевая разница в парах слов одного и того же корня, например (русское/церковнославянское): золото/злато, город/град, рожать/рождать. В образовавшихся таким образом синонимических парах церковнославянское заимствование обычно относится к более высокому стилю. В ряде случаев русский и церковнославянский варианты одного и того же слова разошлись в семантике и уже не являются синонимами: горячий/горящий, ровный/равный, сбор/собор, порох/прах, совершённый/совершенный, падёж/падеж [2].

Присутствовали различия и на письме. Церковнославянская азбука содержит около 40 букв, некоторые из которых представлены более чем одним вариантом написания. Каждая буква церковнославянского языка имеет свое традиционное название. Азбука языка состоит из славянских и греческих букв, многие слова, употребляемые в нем, также имеют греческое происхождение. Используются многочисленные над-

строчные. Знаки препинания несколько отличны от русских: так, вместо вопросительного знака используется точка с запятой, а вместо точки с запятой — двоеточие. Различаются прописные и строчные буквы, употребление которых может быть либо аналогичным русскому, либо следовать древней системе, в которой с большой буквы писалось преимущественно только первое слово абзаца.

Таким образом, церковнославянский язык сыграл в становлении русского литературного языка немаловажную роль. Даже сейчас русский язык содержит в себе значительное количество различных элементов церковнославянского языка, подвергшихся в той или иной мере определенным изменениям в истории развития русского языка. Из церковнославянского языка в русский вошло так много слов и употребляются они настолько часто, что некоторые из них, утратив свой книжный оттенок, проникли в разговорный язык, а параллельные им слова исконно русского происхождения вышли из употребления.

Известный русский филолог В. В. Виноградов считал церковнославянский язык литературным языком на древнерусских землях в эпоху Средневековья [2]. Этим он высказал не только свой взгляд и определил не только свою позицию, но и своих предшественников, а теперь, более чем полвека спустя, можно сказать — и последователей. Действительно, в русской науке такой позиции придерживался А. И. Соболевский, писавший в 1904 году, что «русским литературным языком сделался церковнославянский язык русского извода», и А. А. Шахматов, полагавший в 1911 году, что «по своему происхождению русский литературный язык — это перенесенный на русскую почву церковнославянский язык», и ряд других ученых [2, с. 1].

Рассматривая стилистические возможности русского языка, Л. В. Щерба выделял три «слоя» слов: *торжественный, нейтральный и фамильярный*, к которым можно прибавить и четвертый — *вульгарный*. Их иллюстрировать можно, например, следующими рядами: лик, лицо, морда, рожа; вкушать, есть, уплетать, лопать или жрать. Стилистические «слои» Л. В. Щербы можно сравнить со стилями М. В. Ломоносова — высоким, средним и низким, а такие слова как «лик» и «вкушать» — это *церковнославянизмы* [3, с. 121; 4, с. 3]. Дополнительный оттенок «торжественности, возвышенности» по отношению к нейтральному слову будет содержаться почти у всех синонимов церковнославянского происхождения. Продолжая тему лица, можно привести другие примеры и оценить разницу звучания: уста — рот, чело — лоб, ланиты — щеки, очи — глаза, вежды — веки, зеницы — зрачки, глава — голова.

Трудно спорить с тем, что современный русский литературный язык насыщен церковнославянизмами, которых мы обычно не ощущаем. Порой мы произносим целые церковнославянские фразы и изречения, не замечая их церковнославянской принадлежности. Например: «*Устами младенца глаголет истина*», а ведь по-русски это можно было бы адаптировать: «Ртом ребенка говорит правда». Определённо режет слух, так как была потеряна необходимая стилистическая окраска, которая придает всему изречению специфический коннотационный оттенок мудрости. Наблюдать данное явление можно не только в устойчивых выражениях, достаточно перефразировать обычные словосочетания: молодая девка дрожит — *юная дева трепещет*; опустив голову на ладонь — *склоняясь на длань главою* и т. д. [5; 6].

С точки зрения православной религиозной культуры, в сравнении с современным русским языком церковнославянский содержит и передает тончайшие оттенки духовных понятий и переживаний внутреннего религиозного опыта. Этот язык во многом и создал образ русского православия.

В обрядово-культурной духовной традиции православия предполагается, что молящиеся чрезвычайно внимательно относятся к читаемому, и молитвенное настроение должно возвышаться над обыденным. Молящийся в акте сакральной коммуникации как бы забывает о всех житейских делах, и, несмотря на продолжительность культовых богослужений, часто верующий физически не чувствует усталости.

Однако есть позиция, по которой церковнославянский язык устарел и непонятен для многих людей, в том числе и самих прихожан Русской православной церкви, а следовательно, утрачиваются те глубокие смыслы, которые закладывались в эти тексты духовными писателями Космой Маюмским, Иоанном Дамаскиным и др. Поэтому нужно его «осовременить»: заменить более понятным и актуальным. Эти мнения высказывают как во внутриправославной среде, так и извне. Таким образом, выкристаллизовались две позиции: с одной стороны, приверженцы устоявшихся традиций и «старого» слова, с другой — сторонники перевода церковнославянских текстов на современный и более доступный понимаю язык.

Попытаемся изложить эти позиции и разобраться, какая из них более последовательна и логична.

По утверждению традиционалистов, церковнославянский язык приводит к Богу уже самим фактом своего употребления в подобающих ситуациях. Применение этого языка в неподобающей ситуации может рассматриваться как прямое кощунство — точно так же, как недопустимо и кощунственно и обратное явление, т. е. употребление русского разговорного языка в ситуации, предписывающей использование языка церковнославянского.

Также за сохранение церковнославянского языка как языка Русской православной церкви высказывались известные ученые-филологи — А. Ч. Козаржевский, Д. С. Лихачев, В. В. Колесов. Богослужение на церковнославянском языке — это достояние многих поколений, это живые традиции, которые нельзя прерывать [7, с. 41].

Д. С. Лихачев считал, что отказ от употребления церковнославянского языка в церкви «приведет к дальнейшему падению культуры в России». Богослужебный церковнославянский язык объединяет «культуру прошедших столетий и культуру нового времени, делая понятными высокие духовные ценности, которыми жива была Русь первых семи веков своего существования, объединяя Россию, Украину и Бела-

русский язык. «Это язык благородной культуры... он имеет большое образовательное и воспитательное значение», — высказывался Дмитрий Сергеевич [7, с. 43—44].

За полное сохранение церковнославянского языка выступал и такой классик русской филологии, прекрасный знаток древнегреческого языка, как профессор А. Ч. Козаржевский, отмечая аргумент к «непонятности». Учёный отмечал, что «конгениальным греческому языку является церковнославянский. Мы поразились точности — и сюжетной, и богословской — этого перевода, его красоте. Все это в гораздо меньшей степени присуще, скажем, латинскому или русскому переводам. Церковнославянский язык — это чудо, а его трудность и недоступность преувеличены» [8].

Нам представляется, что церковнославянский язык в наше время довольно адекватно выполняет свою функцию священного языка в литургической практике Русской православной церкви, ради которой и был создан, и вследствие выполнения этой функции он служит постоянным источником высокого стиля русского языка. Церковнославянский язык, в отличие от современного русского языка, неподвластен никаким понижающим влияниям, не испытывает давления бурной жаргонной и иноязычной стихии, телевидения и СМИ.

Однако есть и другая сторона — модернисты. Приверженцы обновления церковнославянских текстов (так называемые неомодернисты) считают, что следует осуществить перевод литургических текстов с церковнославянского языка на русский, дабы повысить вовлечённость прихожан во время службы, сделать церковь более понятной и «привлекательной» для молодёжи, незнакомой с текущими нормами.

Что же касается редактирования особо сложных фрагментов церковнославянских богослужебных текстов, то, как представляется, полезнее было бы сделать последовательные комментарии к этим фрагментам и издать тексты с комментариями, а к особенно неясным словам подобрать их более понятные церковнославянские синонимы.

Обширное обновление воспринимается сторонниками неизменности нынешнего варианта текста как своего рода нарушение границы, ограды, которая охраняет языковую традицию в православной церкви. Результаты этого непредсказуемы: история нас учит, что такие реформы могут быть разрушительными. Ведь нужно учитывать тот факт, что с позиции православной духовно-религиозной традиции молитва — это духовный труд. Это подтверждает тот тезис, что в рамках высокой культуры именно человек призван, прилагая усилия и труд, подниматься до уровня культуры, а не культура — опускаться до уровня масс.

Заключение. Русская православная церковь имеет своё местное предание, частью которого является церковнославянский язык. Это достаточно «тонкая материя», за которой кроется нечто большее, чем просто актуализация информационной функции языка. Именно этот язык, наряду с другими факторами, во многом сформировал нашу восточнославянскую культуру и менталитет.

Поэтичность и образность церковнославянского языка, а также его освящённость вековой традицией действительно оправдывает его статус «сакрального» в мировоззрении целых поколений приверженцев русского православия. Русский же перевод, при осуществлении такового, даже с последующей рецепцией церковного народа, как нам представляется, несколько понизит литургический акт сакральной коммуникации. Также небезоснователен аргумент традиционалистов, что церковнославянский язык понятен многим православным разных национальностей, он, тем самым, выполняет объединяющую функцию, что, в рамках православной экклезиологии, немаловажный фактор. Ещё важнее то, что он, как культурно-религиозный феномен, является той нитью, которая осуществляет исторический континуитет нынешнего поколения людей с их предками, позволяет им понимать и чувствовать так, как понимали и чувствовали их предки, помогает сохранить веру в чистоту. Таким образом, позиция церковнославянских традиционалистов нам представляется более взвешенной и логичной.

Список цитируемых источников

1. Плетнева, А. А. Церковнославянский язык : учеб. изд. для общеобразовател. учеб. заведений, духов. училищ, гимназий, воскрес. шк. и самообразования / А. А. Плетнева, А. Г. Кравецкий. — 4-е изд. — М. : Изд. Совет РПЦ, 2006. — 272 с.
2. Улуханов, И. С. Церковнославянский язык русской редакции: сфера распространения и причина эволюции / И. С. Улуханов // Исслед. по славян. яз. — 2003. — № 8. — С. 1—26.
3. Щерба, Л. В. Избранные работы по русскому языку / М. В. Щерба. — М. : Учпедгиз, 1957. — 188 с.
4. Ломоносов, М. В. Предисловие о пользе книг церковных в российском языке / М. В. Ломоносов // Собрание разных сочинений в стихах и в прозе господина коллежского советника и профессора Михаила Ломоносова : в 2-х кн. — М. : Император. Москов. ун-т, 1757. — Кн. 1. — С. 3—10.
5. Карский, Е. Ф. Грамматика древнего церковнославянского языка сравнительно с русским : курс сред. учеб. заведений / Е. Ф. Карский. — Варшава : Варшав. учеб. окр., 1908. — 104 с.
6. Толстой, Н. И. Церковнославянский и русский: их соотношение и симбиоз / Н. И. Толстой // Вопр. языкознания. — 2002. — № 1. — С. 81—90.
7. Лихачев, Д. С. Русский язык в богослужении и в богословской мысли / Д. С. Лихачёв // Рус. возрождение. — 1997. — № 69—70. — С. 41—45.
8. Козаржевский, А. Ч. Церковнославянский язык — это чудо... (Из интервью православной газете МГУ «Татьянин день») [Электронный ресурс] / А. Ч. Козаржевский. — Режим доступа: <https://www.blagogon.ru/biblio/39/>. — Дата доступа: 25.04.2020.